

Волчья песня

Сергей Ясинчак

Сергей Ясинчак

Волчья песня

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69959728

SelfPub; 2023

Аннотация

Северная Монголия. Руины забытой гробницы. Костер на берегу реки. Неторопливый разговор двух собеседников... Вечный Эль древних тюрков и танский Китай. Доблесть и расчетливость...История и её бесконечные отражения...

Содержание

Берега реки Орхон, Северная Монголия, 20... год	4
Ханская ставка, Отыюкенская чернь 6 , отроги Хангайского хребта, зима 709 года	8
Берега реки Орхон, Северная Монголия, 20... год	14
Чернь Сунга, Западные Саяны, зима 709 года	20
Берега реки Орхон, Северная Монголия, 20... год	24

Сергей Ясинчак

Волчья песня

Берега реки Орхон, Северная Монголия, 20... год

Над древними развалинами сгущались сумерки. Еще пламенели далеко на западе последние красноватые отблески вечерней зари, а по бескрайней монгольской степи уже растекалась ночь. Из-за легких перистых облаков в спокойную гладь вод извилистого Орхона смотрела луна. Ее полное, без малейшей щербинки, рельефное блюдце заливало пологие берега спокойным белесым светом.

На левом берегу реки, рядом с едва заметными стороннему взгляду руинами, стоял японский внедорожник с дипломатическими номерами. К развалинам протянулась отчетливо различимая цепь каменных балбалов¹.

Некоторым из них, безвестными каменотесами, было придано грубое подобие человека: обозначены руки, пояс. Всего их было полторы сотни, и растянулись они почти на три километра.

Неподалеку от внедорожника, ярким пятном веселого

¹ Балбал – у древних тюрков символическое изображение убитого в битве врага.

пламени, виднелся костерок. Дрова для него везли издалека, как оказалось – напрасно, так как берег Орхона в этом месте порос низким кустарником и теперь вязанка наколотых поленьев сиротливо лежала неподалеку. У костра, ведя неторопливый разговор, сидели двое – европейец и монгол-проводник. Говорили на русском.

– Вот ты удивляешься, Мэргэн, за каким чертом, меня дипломата понесло в степь, в пустыню, на розыски каких-то полузабытых развалин, – говорил европейец – русоволосый здоровяк, возраста где-то под сорок лет. Одет он был в туристический костюм защитного цвета. – Какой Кюль-тегин², какие голубые тюрки, когда это все было-то. А я давно мечтал побывать здесь. Можно сказать с детства. Я ведь сначала хотел стать археологом. Экспедиции, раскопки, сенсационные открытия, романтика. Причем, больше всего меня увлекала история кочевых народов Великой Степи, а из всех них, больше интересовали древние тюрки. Но как-то не сложилось у меня с археологией... – с видимым сожалением заключил он. – Вот я и дал себе слово, что по возможности, посещу хоть наиболее знаменитые памятники, связанные с историей этого народа.

– Господин Киреев, признаться, я не думал, что вы так хорошо знакомы с древней историей Монголии, – произнес Мэргэн, подбрасывая в огонь немного сушняка, собранного в низкорослых прибрежных зарослях. Говорил он на рус-

² Кюль-тегин – тюркский полководец начала VIII в.

ском языке, с небольшим акцентом, что неудивительно для недавнего выпускника МГУ. – Вы, про древних тюрков знаете как бы не больше моего.

– Мэргэн, меня Антоном звать, – произнес русский, приветливо улыбаясь, и с треском ломая сухую ветку. – И прекрати выкать. Ну и что из того, что я секретарь посольства. Я в отпуске – частное лицо. Нам ещё десять дней с тобой путешествовать. У меня этот официоз уже в печенках сидит...

– Хорошо, я постараюсь... – улыбнулся в ответ молодой монгол. Ему определенно нравился этот странный русский. Правда, в чем его странность он еще и сам не до конца понимал. Может быть, в том что, не смотря на разницу в возрасте, Антон с первых минут знакомства с Мэргэном, искренне старался подружиться со своим спутником? Для него, привыкшего к холодной заносчивости большого числа туристов, приезжавших с Запада, это было в диковинку. Да и таких знатоков истории кочевников ему еще встречать не приходилось. Западные туристы по большей мере интересовались империей Чингисхана да буддийскими монастырями.

– Значит – договорились?

– Договорились... Антон, если позволишь, я хочу тебя спросить, чем тебя привлекли именно древние тюрки? – задал вопрос Мэргэн. – Почему не хунны³, например, или чжурчжени⁴? Почему гробница Кюль-тегина, а не руины Ка-

³ Хунны – кочевники, жившие в монгольских степях на рубеже н.э.

⁴ Чжурчжени – древнеманьчжурское племя.

ракорума⁵?

– Почему? Я мог бы отделаться дежурными словами об огромном влиянии этого, в общем-то, немногочисленного народа на мировую историю. Но нет, не только поэтому. Древние тюрки – прежде всего символ. Символ нестигаемой воли к свободе, символ силы и воинской доблести. Не случайно, что их славное имя не было забыто даже после гибели самого народа, как забылись названия многих и многих племен. Оно продолжает жить и сейчас, причем его считают за честь носить не только потомки тюрков, но и народы, не имеющие к ним никакого отношения.

Тюркские ханы объединили под своей властью бескрайние степи от Желтого моря до Черного. Они это сделали за семьсот лет до Чингисхана, и одним этим уже заслужили место в истории.

Железная дисциплина и иерархия чинов, позволили древним тюркам в считанные годы сколотить огромную державу – Вечный Эль. Но все же, главное, что у них было – это четкая система ценностей – мировоззрение, противопоставляемое идеалам народов соседних стран...

⁵ Каракорум – ныне исчезнувший город, столица империи чингисидов.

Ханская ставка, Отюкенская чернь ⁶, отроги Хангайского хребта, зима 709 года

Морозная ночь была безлунной и звездной. Дым угасавших кострищ, черно-красными пятнами, разбросанных между десятками юрт из голубого войлока, отвесно поднимался к небу густо усеянному россыпями серебристых звезд-блесток.

Перед входом в ханскую юрту, которая была гораздо больше обычной, стояли четверо тюркских гвардейцев с копьями в руках. На них были надеты халаты с высокими, достигающими до подбородка воротниками. По длине они доходили воинам до половины голени. Поверх них были надеты длинные – до колен, составные панцири из начищенных металлических пластин на кожаной основе. На головах стражников стальными пластинами поблескивали меховые малахаи.

В этот день в ханской ставке проходил совет, затянувшийся до поздней ночи. На совете присутствовали ближайшие родственники и советники тюркского хана Мочура. Он возглавил орду после смерти своего старшего брата Кутлуга и принял титул Капаган-хан.

⁶ Чернь – горная тайга.

Кроме самого Капаган-хана и наследника престола Бури-шада⁷ здесь присутствовали его племянники Йоллыг-тегин и Кюль-тегин. Советников возглавлял бойла-бага-тархан⁸ мудрейший Тоньюкук. Все они восседали на шелковых подушках вокруг очага, расположенного в центре юрты. На стенах юрты, задрапированных драгоценными китайскими шелками, было развешано дорогое оружие, как тюркское, так и китайское.

– Мы с вами, знатнейшие беги, держим совет уже с самого захода солнца. Но решение спасительное для нашей державы, все еще ускользает от нас... – медленно произнес Капаган-хан, сидя на небольшом возвышении под сенью пурпурного знамени с золотой волчьей головой. – Наш эль в опасности. Табгачскому хану⁹ мы хуже кости в горле. Он хотел бы всех тюрков, сделать своими рабами, чтобы мы проливали за него кровь, как это делали наши отцы на службе у его деда...

Но Тэнгри¹⁰ тюрков сильнее горе-мудрецов¹¹ табгачей, засевавших в Чанъани¹². Когда наши отцы и деды становились

⁷ Бури-шад – волк-князь, в тюркской иерархии чинов приставка «шад» указывала на принца крови.

⁸ Бойла-бага-тархан – главный советник.

⁹ Табгачский хан – император китайской династии Тан. Табгачи – кочевое племя, из которого происходили танские императоры.

¹⁰ Тэнгри – дух неба, которому поклонялись тюрки.

¹¹ Горе-мудрецы – ученые конфуцианцы.

¹² Чанъань – столица Китая во времена династии Тан.

балбалами¹³, сражаясь за них, он сказал: да не погибнет народ тюркский, народом пусть будет. И мой брат Ильте-риш-хан внял гласу его, отложился от табгачского хана, а Тэнгри даровал ему победу.

Он завоевал свободу для всех тюрок, восстановил наш эль. И вот, в который раз, до меня дошли сведения, что против нас злоумышляют три хана, от трех сторон света. Главный недруг у нас прежний – хан табгачей. Он подстрекает против нас наших врагов – народ десяти стрел¹⁴ и кыргызов. Если мы ничего не предпримем, то они объединят свои силы и к началу лета будут здесь. Что думаете, беги?

– Разрешите мне, светлый хан! – попросил слова молодой Кюль-тегин, поднимаясь со своего места. Капаган-хан ответил благосклонным кивком головы. – Табгачи набрали большую силу. Их хан натравил на нас двух наших злейших врагов. Его лазутчики рыщут шакалами по степи – пытаются взбунтовать против нас наших собственных подданных! Я спрашиваю: доколе мы будем это сносить? Не пора ли проучить табгачей, да так, чтобы они запомнили этот урок надолго! – горячился он.

Среди собравшихся пробежал одобрителный шепоток.

– Как только сойдет снег, я предлагаю идти на табгачей. Нанести небольшими силами отвлекающий удар на Ордос¹⁵,

¹³ Стать балбалом – погибнуть в бою.

¹⁴ Народ десяти стрел – тюргеши, кочевые племена, жившие в Средней Азии.

¹⁵ Ордос – степная область в излучине р. Хуанхэ.

а когда они перебросят свои основные силы туда, обойти их, и ударить отборными войсками на Чанъань. Мы утопим Китай в крови, а затем принудим хана табгачей к миру. Тем самым мы разрушим коалицию против нас, так как, видя участь подстрекателя, который будет ползать у твоих ног, светлый хан, ни десять стрел, ни кыргызы не решатся выступить против нас. И мы будем бить врагов поодиночке.

План Кюль-тегина был воспринят благосклонно, как собравшимися вельможами, так и самим Капаган-ханом. В сложившейся для его народа критической ситуации это было, на первый взгляд, лучшим решением. Один только мудрый Тоньюкук придерживался другого мнения. Он попросил слова, как только стихли одобрительные возгласы, которыми собравшиеся наградили Кюль-тегина.

– Ты слишком молод, доблестный Кюль-тегин, – сказал добродушно старый лис, – и это оправдывает твою горячность. Но старый Тоньюкук достаточно пожил на свете, чтобы понять – всегда нужно трезво оценивать свои силы. Тем более это важно в предстоящей войне. Войне, от исхода которой зависит будущее нашей державы.

Мы сейчас не в состоянии победить табгачей, ибо в Китае народ пребывает в согласии, а годы урожайны. К тому же расскажи мне, славный Кюль-тегин, чем ты собираешься в голой степи кормить лошадей, чтобы они были готовы к походу, как только сойдет снег?

Молодой полководец молчал, понутив голову. От его пер-

воначального запала не осталось и следа, потому что он как никто другой знал, что главная сила тюрков заключалась в латной коннице. А на истощенных долгой зимней бескормией лошадях далеко не уедешь.

– Что же предлагаешь ты, мудрый Тоньюкук? – спросил Капаган-хан.

– Я предлагаю обратить свои взоры к северу. Кыргызский хан – наш самый заклятый враг. Он отгородился от нас неприступными Саянскими горами и думает, что неуязвим для тюркских копий, а значит может безнаказанно строить козни против нашего эля! Я считаю – наша первейшая обязанность – показать ему, что на этот счет, он пребывает в заблуждении. Позволь мне, пресветлый хан, изложить мысли насчет того, как проучить этого наглеца, – смиренно склонив голову, произнес Тоньюкук.

– Продолжай! – милостиво разрешил, заинтересованный хан.

– Самая большая сложность в этом походе, – начал Тоньюкук, – напасть на кыргызов неожиданно. Единственный, доступный зимой перевал ими тщательно охраняется. Штурмовать его – бесполезно. Кыргызский хан может

легко выставить против нас до десяти туменов и задержать нас хоть до весны. Это нас не устраивает. Гарантия нашего успеха – внезапность. Причем полная. Мы должны свалиться на кыргызов, как снег на голову. Для этого нам нужно перейти Саяны в неожиданном для них месте. Я уже об

этом позаботился, – предваряя вопросы хана и полководцев, спокойно сказал бага-тархан. – Мною подобран проводник, знающий горы не хуже самих кыргызов. Он укажет путь в обход перевала...

– Мне нравится твой план, Тоньюкук, – произнес Капаган-хан, после непродолжительного раздумья, – и потому, командуя армией я назначаю тебя.

Главный советник учтиво склонил голову.

– В помощь тебе, я даю моих племянников – доблестных воинов Кюль-тегина и Йоллыг-тегина. Да будут они твоей левой и правой рукой...

Берега реки Орхон, Северная Монголия, 20... год

Костер догорал. Огонь, затухая, оставлял на раскаленных углях седые хлопья пепла. Русский и монгол продолжали свою неторопливую беседу.

– Антон, а почему ты называешь, тюрк символ свободы? – спросил Мэргэн, заморожено глядя на огонь. – Они же были жестокими завоевателями и поработителями соседних народов. Власть тюркских ханов опиралась на грубую военную силу, что и предопределило трагическую развязку и гибель их державы.

– Восстание 679 года против империи Тан, и это отчетливо зафиксировано в орхонских надписях, тюрки подняли не из-за каких-то обид или угнетения, а потому что самолюбие тюркского народа было непереносимо подчинение. Оно ощущалось настолько оскорбительным, что тюрки, как один человек, бросились в безнадежную борьбу. Они же были в центре государства и окружены врагами со всех сторон, у них не было ни тыла, ни союзников, ни численного превосходства. Это был бунт не ради улучшения жизни, а ради дикой воли и власти. В этом и кроется ответ на твой вопрос, Мэргэн.

Вообще, если смотреть на них с точки зрения либераль-

ных обычаев современности, то тюрки, конечно, кровожадные монстры. Это не так. У них в орде тоже была своя «демократия», правда, стороннему наблюдателю она больше напоминала живодерню. Наши теперешние представления о свободе личности и правах человека нельзя автоматически переносить на эпоху раннего средневековья. Ты как историк по образованию должен понимать это лучше меня. Какая эпоха – такие и нравы. Не думаю, что современные древним тюркам китайцы отличались человеколюбием.

Попытки же всех мерить под одну гребенку, даже в наши времена неизбежно приводят к печальным последствиям. Это в который раз доказали америкосы на своем печальном примере. Ну, развалили Советский Союз, ликвидировали коммунистическую угрозу, чего еще желать, казалось бы? Жили бы себе за морем-океяном припеваючи. Ан нет, мирового господства им хотелось. Все установить новый мировой порядок пыжились. Конец истории объявляли. И чем больше они этот свой «порядок» насаждали, тем вернее весь мир скатывался к хаосу.

А все почему? – задал Антон риторический вопрос и тут же сам ответил. – Потому что уверовали в исключительность своей формы государственного устройства, а, значит, и в свое право навязывать «демократию» по-американски. И пошло-поехало. Фактически они занимались экспортом того, что они принимали за демократию, не заботясь о том, что любая попытка насаждения чуждого мировоззрения вызы-

вает отпор.

– Как в русской пословице: за что боролись – на то и напоролись, – усмехнулся Мэргэн.

– Вот-именно, – согласился русский.

Разговор замер, словно исчерпав себя; собеседники углубились, каждый в свои мысли. Уже совсем стемнело, но спать еще не хотелось.

– За что я люблю историю, – произнес Мэргэн, после затянувшейся паузы, – так это за то, что почти всем происходящим в наше время событиям, можно обнаружить аналогии в прошлом. Любым процессам, да и вообще любым государствам, при желании можно найти двойников. Вот, например, империя Тан, чем-то напоминает мне Советский Союз...

– Ты правильно мыслишь, но не оригинально, – усмехнулся Киреев. – История действительно имеет привычку повторяться – это не нами придумано. Развиваясь по спирали, она повторяет те же процессы, но на качественно новом уровне. Но пример, по-моему, не совсем удачен.

– Почему? – не согласился Мэргэн. По-моему, как у вас говорят – самое то. Смотри сам: танские императоры стремились объединить под своей властью всю Центральную Азию, хотели слить воедино степняков и китайцев. Это похоже на то, как Советский Союз, тщетно пытался создать из сотен народностей населявших Россию единый советский народ. Кроме того, и та другая державы проводили экспансионистскую внешнюю политику – одни стремились к геге-

монии в Великой Степи, другие – к победе идеалов коммунизма в мировых масштабах. И, наконец, и у тех, и у других эксперимент по искусственному выведению новых народов с треском провалился, – закончил он излагать свою мысль.

– Что ж, Мэргэн, мы не ученые – нам простительно проводить даже такие аналогии...

Произнеся эту фразу, Киреев задумчиво улыбнулся, тряхнул головой, и в свете угасавшего костра его глаза сверкнули.

– Однажды Рейган, – начал он, – назвал Советский Союз империей зла. Да, он не был идеальной страной. Но то была моя страна, Мэргэн, чтобы про нее не говорили ненавистники. И Америка ее разрушила, принеся моему народу неисчислимы бедствия.

Причем способы с помощью коих американцы успешно развалили мою страну, с не меньшим успехом применяли еще суйские¹⁶ и танские императоры против державы тюрков. Они ничуть не изменились за долгие столетия, прошедшие с тех времен, как не изменилась и человеческая природа. Засылка шпионов, разжигание межнациональной розни, откровенный подкуп и ползучая идеологическая диверсия – лишь некоторые из них.

Это, кстати, понимали и сами тюрки. Йоллыг-тегин – автор орхонских надписей, дает поражению своего народа объяснение вполне основательное, для его времени. Он осуждает ханов за дурость и трусость, народ – за неверность ханам,

¹⁶ Суй – династия китайских императоров.

китайцев – за обман и подстрекательство. Но главное, он винит китайскую роскошь, изнеживающую тюркских богатырей. Он пишет: «У народа табгач, дающего нам без ограничения столько золота, серебра, зерна и шелка, речь сладкая, а драгоценности мягкие; прельщая сладкой речью и роскошными драгоценностями, они сильно привлекали к себе далеко живущие народы. Те же, поселяясь вплотную, затем усваивали себе дурное мудрование», – процитировал на память Антон, и тут же продолжил:

– Первоначальная простота нравов, царившая в орде, незаметно сменилась роскошью и жадной наживы, еще теснее связывая верхушку, тюрков с Китаем – это и есть идеологическая диверсия.

До боли знакомая картина. Все это мне напоминает перестроечные времена, когда скурвившаяся партийная элита предала страну, сознательно приведя ее к краху. А народ, обманутый трескучими демократическими лозунгами, радовался крушению собственной державы, готовый удавиться ради импортных шмоток и аппаратуры с лейблом: «маде ин не наше».

– Да, Антон, – согласился Мэргэн, – твой пример посильнее моего будет.

– Да, это прямая аналогия. Но аналогия не столько между тюркским Вечным Элем и Союзом, – продолжил русский, вздохнув, – сколько между методами, с помощью которых китайцы полторы тысячи лет назад, и дядя Сэм – в наши дни,

разрушали единство, на первый взгляд, монолитных держав. Впрочем, надо отдать должное древним тюркам – они сражались за свои идеалы, пока сил хватало, отчаянно сопротивляясь давлению китайцев. Уже одно то, что их каганат просуществовал независимо, целых сто пятьдесят лет, имея общие границы с такими мощными державами раннего средневековья, как Тибет и Китай, говорит о незаурядных способностях этого народа...

Чернь Сунга, Западные Саяны, зима 709 года

Светало. Этим ранним утром пологий горный склон, поросший редкими соснами и елями, наполнился громкими голосами сотен людей, и ржанием боевых коней – это были тюрки.

Тоньюкук провел свою небольшую армию, составленную из испытанных, закаленных в боях ветеранов, в обход перевала Когмэн¹⁷, и обрушился на ничего не подозревавших кыргызов.

Переход через зимние горы, был предприятием почти безнадёжным, но тюркским ратникам отваги и выносливости было не занимать. Ведя своих

лошадей в поводу, они пробились сквозь глубокие снега, покрывавшие заросшие лесом вершины Саян, и, с большим трудом, стали спускаться к подножию гор. Скорым маршем – в десять суток, тюрки, обходя обвалы, достигли северных их склонов. Шли ночами, чтобы не спугнуть врага. Проводник, сбился с пути и поплатился за это головой. Перед нападением Тоньюкук приказал остановиться, и произвел смотр своему немногочисленному воинству.

Тогда тюрков было немногим более шести тысяч. Достиг-

¹⁷ Когмэн – единственный перевал через Саяны, доступный в зимнее время.

ли цели только самые выносливые. Много воинов отстало, много замерзло.

Это было днем раньше – теперь тюркских латников было еще на несколько десятков меньше. Они полегли в короткой, но жаркой ночной схватке, когда застигнутые врасплох кыргызы пытались оказать организованное сопротивление. Тюрки копьями проложили путь сквозь их ряды. Кыргызы были рассеяны.

Теперь кыргызский хан Ажо собирал всех беглецов под свои знамена в Сунгинской черни.

На опушке леса, около разлапистой ели, показалось несколько всадников. Над их головами развевалось волчье знамя – пурпурное прямоугольное полотнище с золотой волчьей головой. Бойла-бага-тархан Тоньюкук восседал на спокойной гнедой лошади, держась рукой в латной рукавице за луку седла. Первые солнечные лучи игриво метались по пластинам панциря, реагируя на малейшее движение командующего – несмотря на преклонные годы, старый тюрк был в полном вооружении.

До сих пор обстоятельства благоприятствовали тюркам, и на его хитром морщинистом лице блуждала довольная улыбка. Рядом с ним был принц Йоллыг-тегин и офицер Нигю Бильге-гудун со знаменем. Следом неспешно, подтягивались к опушке простые латники. Все ждали Кюль-тегина из разведки.

Наконец, он появился в сопровождении четырех конни-

ков. Все пятеро, на рысях, приблизились к главнокомандующему.

– Да пребудет с тобой сила Великого Тэнгри, мудрый бага-тархан, – сидя в седле, поклонился молодой полководец.

– И тебе того же, славный Кюль-тегин, – отозвался Тоньюкук. – Ну, говори, что высмотрели твои люди.

– Кыргызы, числом до пятнадцати тысяч, выступили нам навстречу. Они уже в часе пути верхами от нас.

– Ого! Дикие лошади сбились в табун и намереваются поохотиться на волков! – весело прокомментировал новости Тоньюкук. – Ну, что, волки, готовы испробовать дикой конины? – шутливо обратился он к простым ратникам, бывшим поблизости. – Не бойтесь копыт травоядных?

– Готовы!!! – потрясая оружием, в один голос взревели тюркские ветераны.

– Хорошо! – произнес довольный командующий. И тут же, не по-стариковски зычным голосом, scomандовал:

– Садись на коней!

Через мгновение все тюркские воины уже были в седлах. А Тоньюкук сказал, обращаясь к Кюль-тегину:

– Я стар и немощен – ты молод и смел. Веди войска тюрков к победе! – произнес он, указывая рукой в сторону заснеженной равнины, откуда должны были показаться кыргызы.

Кюль-тегин поклоном поблагодарил старика, и, тронув поводья, поворотил своего белого красавца-жеребца к войску.

– За мной! – скомандовал он воинам. Тюркские латники двинули своих коней за Кюль-тегином, на ходу перестраиваясь в боевой порядок – лаву.

Несколько часов спустя, волчье знамя уже победно реяло над окровавленными снегами поля боя. Оба войска – тюркское и кыргызское, сошлись в жестоком бою. В том сражении Кюль-тегин покрыл свое имя бессмертной славой. Он лично заколол копьем трех кыргызских богатырей, еще одного поразил стрелой. Под ним убили белого жеребца, а его доспехи и плащ, были утыканы десятками стрел. Кыргызское войско было наголову разбито. Хан Ажо погиб. Кыргызский народ вошел в тюркский эль.

Берега реки Орхон, Северная Монголия, 20...год

Кроваво-красный диск солнца медленно поднимался над степными просторами.

На горизонте появлялись силуэты всадников. Контуры их призрачных фигур, едва проглядывали в горячем степном мареве.

Антон был одновременно русским XXI века и тюркским витязем VIII-го. Его сердце разрывала боль за судьбу отчизны, а в душе клокотала неудержимая ненависть к жестоким врагам.

Всадники появлялись отовсюду... и это все враги. Карлуки на западе, кыргызы на севере, уйгуры на юге и в центре. Тыла нет. Повсюду полыхала война.

Он изнемог от постоянных боев. Нужно отступить, но куда? Позади родной дом, хан и знамя с волчьей головой. Но вот, хан убит, держава разрушена. Больше защищать нечего. Тогда он с отчаянной яростью бросился на множество врагов и рассеял их. Враги бежали – им страшен один вид разъяренного богатыря. Именно такие тюрки были страшны соседям, которые затем и начали эту войну, чтобы их больше никогда не тревожили богатыри. Наконец, его окружили толпы врагов, и Антон видел уже со стороны, как в этом месиве из че-

ловеческих тел и конских круп, скрывается тело тюркского смельчака.

Волчье знамя втоптанно в степную пыль. Оно уже никогда не взвьется на ветру над тюркскими дружинами...

Пронзительный звук пробудил Антона от горячего сна. Протяжный и тоскливый волчий вой, несся над пустынной ночной степью. И только равнодушная луна, висевшая высоко в небе, могла оставаться спокойной, слыша эти звуки, от которых у большинства людей кровь стыла в жилах.

– Волки, – многозначительно сказал Мэргэн, который был уже на ногах. – Это волчья песня.

– Волчья песня? – переспросил Киреев.

– Местные араты¹⁸ верят, что духи древних героев-богатырей в полнолуние вселяются в волков, – пояснил монгол.

– Красивое поверье, – произнес русский.

– Ты, Антон, как хочешь, а я переберусь в джип. И тебе советую сделать то же самое, от греха подальше.

– Делай, как знаешь, Мэргэн, но я уверен – со мной все будет в порядке. Я остаюсь.

– Волчье сердце... – пробормотал тихо монгол и пошел к машине.

Антон лежал у костра, укрывшись толстым одеялом из верблюжьей шерсти, и, заложив руки за голову, смотрел на яркую луну и бледные звезды. А над водами извилистого Ор-

¹⁸ Араты – монгольские скотоводы.

хона и всей степной бесконечностью лилась волчья песня...